

Соловецкий Лавсаик¹

(о соловецких боголюбцах, скончавшихся в период 1917–1927 годов)

Монах Гурий

Весною 1923 года вместе со многими другими иноками покинул Соловецкую обитель и монах Гурий, 63-х лет от роду, проживший в ней бессменно 30 лет. Отец Гурий являл собою редкий пример трудолюбия, терпения, воздержания, а особенно необычайного и редкого усердия к неукоснительному посещению всех церковных служб. Бывало, где застанет его первый удар колокола, он тотчас бросает работу, и, даже зачастую не пообедав, торопится в храм, в каковой по усердию приходил всегда одним из первых. В храме он забывал всех окружающих и все мирское, суетное, оставшееся за церковным порогом, и всецело сосредоточивался в молитве. И молитва его была горяча и действенна, ее силу неоднократно ощущали все прибегавшие к нему за духовной помощью и советами или стремящиеся к нравственному подражанию. Будучи не раз в особенно благотворном настроении, он всю свою прошлую жизнь поведывал неким из братии, всецело сие им доверяя. Вот почему ныне, по отъезде его на материк, в назидание оставшимся из братии и предлагается сие краткое списание его жизнеописания с малых лет и до последних времен его. Вот как он рассказывал о себе:

«Я внук священника, но отец мой не был духовного звания. Родом я из Валдайского уезда, местности Устюжской. В малых годах постигла меня смерть родителей. Не желая крестьянствовать, я занялся мелочною торговлею, но так как я должен был поступать по совести, а не по-хозяйски, то в скором времени у меня не оказалось ни денег, ни товару, ибо по доброте своей часть их отдал нуждающимся, а остальное - в долг, поверив на честное слово. Не зная, как устроиться мне в дальнейшем, решил я сходить помолиться к преподобным Зосиме и Савватию во Флорищеву Успенскую пустынь, находящуюся от нашего места в 50-ти верстах. Монастырь расположен среди густого леса над рекой. В церкви местной святыней была чудотворная икона соловецких угодников. В день преставления преподобного Савватия здесь бывает двухдневная ярмарка, главным образом, конная и мануфактурная. К этому дню со всей округи собиралось много богомольцев. Пошел и я на этот праздник. Остановившись у добрых людей и поразведав от них о славных своей праведной жизнью здешних старцах, пошел я в келию к одному такому известному (“знаменитому”) старцу, одиноко живущему ради Бога при монастырской церкви. Старец меня во многом утешил, а при моем выходе сунул мне в карман бумажку. С нетерпением и волнением вышел я на монастырский двор и здесь прочитал ее краткое, но знаменательное содержание: “Тебя ждут преподобные соловецкие”. И тогда же я возымел желание идти на богомолье в Соловецкий монастырь. Покончив навсегда со всеми домашними делами и рассчитавшись с окружающими, поспешно покинул я свою родину, торопясь до зимы достигнуть соловецких святынь и угодников. Принятый о. настоятелем в трудники, я стал трудиться и до сего времени по милости Божией не бросаю своего послушания, благодаря Господа Бога за явленные мне милости Его».

С первых же лет своей жизни о. Гурий трудился на огороде и пребыл на сем послушании бессменно почти 30 лет. От него требовалась в зависимости от времени неупустительная бдительность, особенно весной, при выращивании рассады, при посадке и поливке овощей. Весь день трудясь на послушании, зачастую без обеденной трапезы, он, хотя и усталый, первым являлся по зову колокола в храм и пребывал там до конца. Дома же, как открыл он о сем некоему из братии, он вставал за час и ранее до

¹ Составил архимандрит Вениамин (1868/69–1927/28) — последний настоятель Соловецкого монастыря.

полунощницы, исполнив свое келейное правило, начинал класть поклоны поименно за всю братию, начиная с о. настоятеля и кончая последним послушником, а потом уже шел в церковь. Трапезой пользовался он только братской, общей, и никаких съестных запасов у себя не держал, ничего съестного в келлию не приносил, а до обеда ничего не пил и не кушал. Чаю вовсе не потреблял. Несмотря на это, о. Гурий всегда был бодр, здоров и легок. Слова неприличного, или праздного, или осудительного никогда не произносил и от других сего слушать не любил. В первые 20 лет жизни в монастыре братия очень любила и уважала его, но в период начавшейся внутренней смуты, связанной с настоятелем о. Иоанникием, все противники последнего не стали уже по-старому прилежать к о. Гурию, так как ему по ревности Божией приходилось их укорять и предостерегать от душепагубного пути восстания на своих властях. А раньше, бывало, бежит, торопится о. Гурий в церковь, а братия шутливо точно укоряют его:

– Ну, о. Гурий, опять уже побежал, дай нам-то немного отдохнуть.

А другие отвечают за него:

– Ему что?! Он не по-нашему живет, брат. До обеда ему ни о чем заботиться не нужно, как нам – позавтракать. А как из церкви – так и на работу сейчас.

Нестяжание о. Гурия было также для всех видимое и непритворное. Ничего лишнего в келии у него не было, а если кто-либо ему что-то дарил, он тотчас все раздавал нуждающимся из братии. Хотя в грамоте он был не очень силен, но все же правило молитвенное совершал уставно. Кроме сего, он имел дар Иисусовой умной молитвы, которая слагалась за последнее время в его сердце в непрестанное делание. Будучи духовно и телесно согреваем ею, он источал на окружающих духовную теплоту и любовь, а в своих дерзновенных молитвах, благодаря неистощимой вере, получал просимое для ближних. Особенно эта духовная черта обнаружилась в последние годы его жизни, когда многие из братии свидетельствовали о силе и действенности его молитвы к Богу. Как в жизни своей, так и в своей пламенной вере он от природы был простой и за свою простоту в годы монастырской смуты немало пострадал от братии. Тяжело жилось монахам в эти смутные годы. Братия разделилась на два лагеря и враждовали между собою, не было покоя в их душах и менее всего были заняты они думами о своем душевном спасении. Вот в это время за свою безмерную простоту и чистоту веры о. Гурий сподобился нескольких видений.

Видения о. Гурия

Вначале приходил к нему в сонном видении преподобный Зосима, один, с крестом в руке, и просил передать братии, чтобы они прекратили смуту и нестроения, ибо небесные ходатаи за святую обитель сильно скорбят о ней, так как гнев Божий невидимо надвигается на нее. Вскоре после сего, ввиду непрекращающегося раздора, явилась Сама Царица Небесная своему усердному служке и приказала передать настоятелю с братиею, что если они не прекратят между собою вражды и несогласия, если они не начнут исправляться в своей монашеской жизни, то Божие наказание постигнет монастырь и братию. Но начальствующие и прочие насельники обители остались глухи к его рассказу, а самого о. Гурия посчитали пребывающим в прелести и не обратили внимания на грозное небесное предупреждение.

Вскоре после сего над монастырем прошла первая гроза. От неизвестной причины в ночь на 7 декабря 1917 года сгорел бучильный корпус. Огонь перекинулся на прачечную, в сторону бани, и угрожал мельнице и всему монастырскому кварталу с Головленковской башней. Несмотря на свирепствовавший ветер, грозивший уничтожить весь монастырь, после совершения молебна и обнесения местных святынь вокруг пламени огонь затих и ветер переменялся. В ближайшие годы, кроме бучильного корпуса, все быстро восстановили и отремонтировали. Так прошло приблизительно около двух лет. Противники бывшего настоятеля о. Иоанникия продолжали враждовать с новым

настоятелем о. Вениамином, требуя от него невозможных условий видимого примирения. Смуты в умах и сердцах продолжались, они еще более усугублялись общим настроением на материке. Тяжелые 1917-1920 годы прошли в постоянных страхованиях, ожиданиях чего-то скорбного. В это время Божия Мать снова посетила соловецкого «чудака», как стали называть о. Гурия братия после пересказа им своих видений. Неуклонно и грозно вещала Она ему: «Грехи монастыря соловецкого тяжки. Грешны и старшие, и младшие. Старшие виноваты тем, что обижают и притесняют младших, а младшие грешны тем, что, не терпя сих утеснений и не желая в скорбях спасаться, наушничают власть имущим на деяния старших. Те и другие не хотят терпеть скорбей от ближних. Если не одумаются и не примирятся, то кара Божия постигнет их неминуемо».

Весною 1920 года монастырь был частью занят под концентрационный лагерь и государственный сельхоз. Зловещие тучи надвинулись на обитель. Великие святыни ее подверглись величайшей опасности поругания. Но братия словно не хотели сознать свою вину и послушаться сего призыва Царицы Небесной, провещанного Ею чрез простого монаха Гурия, стоявшего к тому же все время в стороне от враждовавших. Начались на местах притеснения, обыски, реквизиции, оскорбления и поругания святынь. Но это было началом великой соловецкой скорби, началом грядущего великого последнего соловецкого плача.

В 1922 году произошло изъятие всех монастырских ценностей. Братия в массе продолжали коснеть в старой вражде и наушничестве в отношении к правящей власти. Приблизительно в начале 1923 года Царица Небесная снова явилась убогому «чудаку» о. Гурию, но уже с последним и грозным предупреждением: «Если не исправятся и не помирятся братия, огнем попаляю сию святыню, вас накажу и рассею».

Молчали угодники, не являясь ныне никому из братии. Повторился 1538 год, когда старцу Леониду в видении приходили преподобные Зосима и Савватий и сказали, что не услышана Господом их мольба о пощаде братии и что Господь ниспошлет огонь, который и попалит весь монастырь за нечестие его. Не поверили сему видению тогдашние люди. И в день Вознесения Соловецкий монастырь сгорел дотла. Как праздник Вознесения означает, что Господь покинул землю и отошел ко Отцу Своему, так и милость Божия отходила от Соловецкого монастыря к небожителям за поругание святыни и нарушение обетов и попрание идеала монашества. И вот через 385 лет история повторяется вновь. За те же грехи и жестоковыйность, за три дня до Св. Троицы, в 1923 году 12 мая огнем пожигается почти вся святая обитель.

«12-е мая в истории великого соловецкого пожара 1923 года имело громадное значение. Это был день скорби (пятница, день воспоминания крестной смерти нашего Спасителя и Господа Иисуса Христа); наконец, Господь не дал породиться той великой радости от тех великих даров, которые ниспосылаются христианам в день Св. Троицы, когда происходит Сошествие Духа Утешителя на скорбную землю. Он отнял от насельников сию радость, лишил их ее, как недостойных, и сим заключил свой праведный гнев – на времена и лета, еже заключены суть у него под печатями... И вся святость монастырская осквернилась, ибо обнажилась от потери благодати и Духа животворящего... И плач обуял келлии и храм – ибо великий некогда, но ныне повапленный Израиль исшел из Иерусалима, дабы с гор окрестных вздыхать и плакать о грехах своих и потерянных и поруганных святынях.

Пламя выбросилось в разных местах и церквах почти одновременно. Но страшно то, что пожар начался в храме Успения Божией Матери. Царица Небесная испепелила Свою святыню за нечестие братии и в предупреждение еще большего и неизбежного кощунства со стороны властей. Вскоре после пожара Успенская церковь была отведена под жилое помещение нового лагеря особого назначения ГПУ, заполнилась отбросами и отщепенцами мира, и осквернилась, как и другие храмы. Монахи были изгнаны из кремля; потеряли святыню, потеряли свои келии, уют, большая часть их (главным образом, смутьяны, бунтовщики) была вывезена на берег за ненадобностью. И так, по слову

Царицы Небесной, они рассеялись. По промыслу Божию наиболее крепкие, трудолюбивые и менее виновные в сих смутах остались при св. обители на разных хозяйственных должностях для обслуживания лагеря и сохранения последней монастырской святыни – кладбищенской Онуфриевской церкви, при которой образовалась “20-ка”. Исполнились слова и видения о. Гурия, ныне уже не чудака и не в прелести бывшего. Сам он в числе многих покинул св. обитель весною 1923 года, завершив в ней все ему и чрез него прореченное во славу Господа и в назидание и спасение братии и св. обители сей.

Иеромонах Митрофан Кроткий

Из современной нам братии также было немало подвижников и праведников и примерных монахов. Так, своим духовным рассуждением обращал на себя внимание о. Митрофан. К 1921-1922 смутным и тревожным годам ему было почти 50, а монастырского служения его и жития было около 25-ти лет. Из св. обители выбыл вместе с прочей братией весною 1923 года; где проживает сейчас, неизвестно. По сказанию местных летописцев, он «был высоким образцом для братии по всем монашеским добродетелям и особенно знаменит по неосуждению братии в недостатках и уклонениях их от монашеских подвигов. И при всяком разговоре, клонившемся к осуждению кого-либо, а особенно старших в монастыре, он умел вовремя его приостановить назидательным святоотеческим изречением о грехе осуждения, причем приводил примеры грехопадений, бывших даже со святыми, но вовремя покаявшимися и несомненно спасшимися».

Пред наступлением тяжких времен настоящего века и при непрекращающейся многолетней вражде между братией и настоятелем св. обители архим. Иоанникием о. Митрофан глубоко вникал в события и хорошо разбирался в них и во всех обстоятельствах данного момента давал удивительно разумные объяснения и советы обращавшейся к нему братии.

Все мы любили и уважали его как одного из опытных и лучших среди нас по духовной жизни монастырских постриженников, часто пользовались его советами и, видя его добродетельную жизнь, старались во всем ему подражать. Отец Митрофан был староста печных и строительных работ. Рабочие его очень хвалили. «Так зря не скажет...»

Монах Наркис

Много лет нес послушание переплетчика. Монахом был начитанным. По послушанию своему общался со всею братиею и, зная многое тайное и сокровенное из их духовной жизни, складывал в сердце своем, но редко кому сие поведывал. По его собственным рассказам, Господь неоднократно сподоблял его видений и озарений. Часто гуляя по монастырской ограде, подолгу останавливался у Головленковой тюрьмы и оттуда лицезрел кладбище. Подобно пустыннонику Феофану, старцу монаху Науму, монаху Даниилу Голгофскому и другим неведомым нам благочестивцам, сподоблялся иногда видеть на очень многих могилах горящие свечи. Выбыл на материк вместе с большей частью братии весною 1923 года.